

Тонкие материи и грубые обстоятельства

Часть первая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Натали Касс

18+

Натали Касс

Тонкие материи и грубые обстоятельства

<https://litres.ru/74610763>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марго — настоящая ведьма, но в современной Москве это скорее повод для осторожности, чем для гордости. Чтобы не привлекать лишнего внимания, она успешно притворяется обычным тарологом. Карты на ее столе — лишь красивый реквизит, за которым удобно прятать свой дар, мягко подталкивая клиентов к правильным выводам.

Эта книга — уютный антистресс о буднях ведьмы в мегаполисе. Истории странных клиентов, повседневная магия без лишней драмы и попытки разобраться с личной жизнью. Никакого спасения мира и битв со злом — только ироничный взгляд на жизнь, строгие костюмы, вредная кошка-сфинкс и попытки выстроить отношения, когда привыкла видеть всех насквозь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	42
Глава 6	57
Марго	70
Глава 7	72
Глава 8	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Натали Касс

**Тонкие материи и
грубые обстоятельства**

Тонкие материи и грубые обстоятельства

Глава 1

Ноябрь в этом году окончательно сошел с ума.

За окном завывал ледяной, пронизывающий ветер — я видела, как внизу по Покровке спешат ссутуленные люди, кутаясь в шарфы и пряча лица в воротники. Но солнце, обманчиво яркое, било прямо в высокие стекла старого доходного дома. Окна были плотно закрыты от сквозняков, и из-за этого толстые кирпичные стены превратили второй этаж в настоящую теплицу. Духота стояла, как в середине августа.

Я потянула ворот безразмерного, тяжелого шерстяного свитера грубой вязки. Я надела его утром из-за холода, но сейчас в нем было жарко. Снимать его, впрочем, не хотелось. Мои черные волосы, небрежно стянутые на затылке крабиком, растрепались, две белые пряди то и дело лезли в глаза. Я предпочитала кутаться в плотную шерсть, создавая между собой и миром физическую преграду, потому что чужие эмоции сегодня ощущались особенно нудно и липко.

Радовало одно: на работу не пришлось ехать. Моя личная жизнь обитала в квартире номер двенадцать, слева по площадке, а работа — в тринадцатой, дверь напротив.

Двенадцатую, мою личную неприкосновенную крепость, подарила бабушка Агнесса на совершеннолетие. А вот тринадцатую я выкупила сама, ввязавшись в дикую ипотеку. Год назад последний платеж был торжественно закрыт — спаси-

бо состоятельным клиентам с их бесконечными жизненными драмами. И теперь баланс был идеальным: вышла в тапочках, пересекла лестничную клетку — и ты в офисе.

На столе из мореного дуба, прямо между мной и клиентом, развалилась Кара. Моя лысая сфинкс, похожая на инопланетную горгулью, спала, бессовестно раскинув задние лапы на бархатной скатерти. Я машинально почесала ее замшевую спину. Кара хрипло мурлыкнула, приоткрыв один желтый глаз.

Клиент напротив нервно дернул плечом.

Его звали Вадим. Тридцать два года, бренд-менеджер. Дорогой итальянский пиджак сидел на нем так, словно его одолжили у старшего брата, а часы на запястье стоили больше, чем ремонт в моей ванной. От Вадима пахло хорошим сандалом, двойным эспрессо и кисловатым потом застарелой, изматывающей тревоги.

— Может, это просто конец года? — Вадим покрутил на пальце обручальное кольцо, не глядя на меня. — Показатели горят, жена пилит из-за ипотеки. Все устают, Маргарита. При чем тут вообще какие-то... глубинные причины?

Он осекся, бросив косой взгляд на мою рабочую колоду Таро.

Я ничего не ответила. Просто коснулась колоды подушечками пальцев. Гладкий картон чуть скользнул по бархату. Магия — это не огоньки на ладони как в кино. Для меня это врожденное чувство вероятностей, легкое статическое

напряжение на кончиках пальцев, к которому я привыкла так же, как к своим голубым глазам в зеркале.

Я перевернула первую карту и положила ее на середину стола.

— Восьмерка Чаш, — ровным, спокойным голосом произнесла я. — Посмотрите на нее, Вадим. Фигура в красном плаще, опираясь на посох, уходит в ночь, в горы. А на переднем плане остаются стоять восемь золотых кубков. Полных кубков.

Вадим неохотно скользнул взглядом по картинке.

— Классическое значение этой карты — добровольный уход, — продолжила я, откинувшись в кресле. — Оставленные позади иллюзии. Человек уходит от полных чаш туда, где нет ничего, кроме неизвестности, потому что оставаться здесь ему больше невыносимо. Или наоборот — сбегает от чего-то важного ради мнимого блага. От чего вы сбежали, Вадим? Какую дверь вы однажды захлопнули, чтобы сейчас носить этот итальянский пиджак?

Кольцо на его пальце перестало крутиться. Вадим замер. На секунду мне показалось, что он сейчас встанет и уйдет, громко хлопнув дверью. Но люди, которые приходят ко мне, обычно уже слишком устали носить свои маски.

— Это было логичное взрослое решение, — голос Вадима дрогнул, дав петуха. Он подался вперед, сцепив руки в замок так крепко, что побелели костяшки. — Четыре года назад... У меня была возможность уехать в Италию. Стажировка в

школе реставраторов. Грязные руки, растворитель, копейки на еду. Искусство, мать его. А Даша... она уже тогда была беременна. Ее отец предложил мне место в своей компании. Должность, от которой не отказываются. Я должен был обеспечивать семью! Я удалил номер куратора из Италии, прямо стоя у метро в снегопад. Я выбрал семью!

— Вполне в духе ответственного человека, — кивнула я, не меняя тона, и перевернула вторую карту. — Четверка Пентаклей. Человек сидит на каменном троне, судорожно прижимая к себе золотые монеты. На голове корона, за спиной большой город, а на лице — напряжение. Это карта удержания. Золотая клетка, страх потери, глухая оборона. Вы получили свою стабильность, Вадим. Вашу должность, статус. Но от чего вы так отчаянно обороняетесь сейчас?

Вадим шумно выдохнул, глядя на скрюченную фигуру с монетами.

— От всего, — прошептал он, и его плечи бессильно опустились. — Меня тошнит от планерок. Тошнит от графиков и согласований. И от жены... я смотрю на нее, и внутри все сжимается. У меня панические атаки перед каждым совещанием. Я задыхаюсь в этом кабинете.

Я молча выложила третью карту, завершая расклад.

— Двойка Мечей, — я чуть склонила голову. — Женщина с завязанными глазами держит два скрещенных тяжелых меча. Внутренний тупик. Подавление чувств ради иллюзии покоя. Вы закрыли глаза, Вадим, чтобы не видеть, как вам

тесно.

В кабинете повисла тишина. С улицы сквозь двойные рамы донесся приглушенный вой ветра. Кара громко зевнула, обнажив мелкие клыки, и перевернулась на другой бок, едва не смахнув хвостом свечу.

— И что мне теперь делать? — Вадим поднял на меня потерянный взгляд. Вся его топ-менеджерская спесь сдулась. — Разводиться? Бросать работу?

— Карты не пишут за вас заявления по собственному желанию, — я усмехнулась, подперев щеку рукой. В меру цинично, но без насмешки. Я таролог, а не судья. — Они показывают карту местности. Вы злитесь на жену, потому что втайне сделали ее оправданием своего отказа от мечты. Вы заперли часть себя в тесном подвале, и теперь она колотит по трубам — вот вам и ваши панические атаки.

Вадим судорожно сглотнул, не отрывая взгляда от Двойки Мечей.

— Не обязательно сжигать дом дотла, чтобы открыть форточку, — мягко, но отрезвляюще добавила я. — Подумайте, как впустить немного воздуха в вашу идеальную, стерильную жизнь. Как позволить себе снова испачкать руки краской, пусть даже по выходным. Иначе этот прекрасный пиджак вас просто задушит.

Его лицо, до этого стянутое спазмом тревоги, постепенно расслаблялось. Словно нарыв, который долго дергал, наконец-то прорвало. Он коротко, но уверенно кивнул, доставая

бумажник.

Через пять минут щелкнул замок входной двери. На столе осталась лежать стопка пятитысячных купюр.

Я потянулась в кресле до сочного хруста в позвонках. Наконец-то стянула душный, колючий свитер, бросив его на спинку стула, и осталась в черном шелковом топе. Кожа с благодарностью приняла прохладу, скопившуюся у пола.

Кара открыла глаза, понюхала деньги и требовательно мявкнула, боднув мою руку лысой головой.

— Знаю-знаю, чудовище мое, — я рассмеялась, сгребая купюры. — Встаю. Пошли домой, закажем лосося. Нам обеим надо поесть.

Я подошла к окну, глядя на суетливую, зябкую Покровку. Люди внизу кутались от ветра, многие из них прямо сейчас принимали «логичные» решения, о которых пожалеют через пять лет. А я стояла здесь, в старом, прогретом солнцем доме, чесала за ухом горячую кошку и чувствовала, что на сегодня с меня чужих драм достаточно.

Глава 2

Такси высадило меня на углу переулка возле Старого Арбата. Ноябрьский ветер тут же швырнул в лицо горсть ледяной крошки, попытавшись забраться под воротник тяжелого драпового пальто. Я сунула замерзшие руки глубже в карманы, уткнулась подбородком в колючую шерсть шарфа и ускорила шаг.

Бронзовая ручка в виде львиной морды обожгла пальцы холодом. Тяжелая дубовая дверь поддалась с неохотным, глухим скрипом, только когда я навалилась на нее всем весом. Над головой звякнул латунный колокольчик, отсекая гул промерзшей московской улицы.

Внутри время имело другую плотность — густую, тягучую. Воздух здесь всегда был слоистым: сначала в ноздри билась сухая бумажная пыль старых фолиантов и кислый запах потемневшего серебра. Затем раскрывалась теплая тяжесть пчелиного воска, которым натирали антикварную мебель, и горечь крепкого эспresso. А связывал это все властный, бескомпромиссный шлейф «Черной орхидеи» Тома Форда. Бабушкины духи висели в пространстве, заявляя права на территорию.

Я прислонилась спиной к дверному косяку, не спеша расстегивать пальто.

Агнесса Эдуардовна Власова стояла за стеклянной витри-

ной. По документам ей было далеко за шестьдесят, по факту — ни один хирург не дал бы больше сорока - сорока пяти. Идеальное каре цвета горького шоколада, изумрудная шелковая блузка, нить тяжелого, неровного барочного жемчуга. Свет винтажной лампы выхватывал ее высокие скулы.

По ту сторону витрины переминался суетливый, полноватый мужчина в кожаной куртке. Он вертел в коротких пальцах серебряный портсигар с чужим вензелем.

— Ну, Агнесса Эдуардовна... Вещица-то с потертостями. Да и гравировка непонятно чья. Двадцать тысяч — потолок, — с базарной, липкой хитрецей тянул покупатель. От него на метр фонило желанием сэкономить и дешевым лосьоном после бритья.

Я скрестила руки на груди. Никакой магии, никаких ментальных фокусов — сейчас будет чистое искусство светской эквилибристики.

Бабушка не стала спорить. Она мягко, почти снисходительно улыбнулась. Чуть склонила голову набок и посмотрела на мужчину в упор. Долго. Оценивающе.

— Этот портсигар, Валерий, — ее голос упал на полтона, став глубоким, грудным, — это не просто кусок серебра. Это статус.

Она протянула руку с безупречным бордовым маникюром и кончиками пальцев коснулась металла, который мужчина все еще сжимал в ладони. Ее кожа почти задела его костяшки.

— Такие вещи не покупают на сдачу, — тихо произнесла она. — Почувствуйте тяжесть. Это вещь для человека с... весом. И вы, Валерий, я ведь сразу поняла, — человек, который умеет ценить историческую породу. Вы не из тех, кто мелочится.

Она приподняла бровь. Пауза повисла в воздухе, густая и звенящая. Идеальная, роскошная женщина ждала, кем он сейчас окажется: солидным мужчиной или скрягой.

Я физически ощутила, как изменился фон вокруг Валерия. У него расширились зрачки, на шее проступили красные пятна. Плечи под кожаной курткой развернулись, подбородок пополз вверх. Иллюзия торга сдохла, придавленная тяжестью его внезапно раздувшегося эго.

— Вы правы, — барственно выдохнул он, торопливо залезая во внутренний карман за бумажником. — Беру за полную. Вещь того стоит.

Как только за Валерием закрылась дверь и стих колокольчик, бабушка взяла с прилавка микроскопическую фарфоровую чашку. Затем грациозно повернулась к креслу эпохи ампира. На его вышитой золотом обивке растеклась рыжая, необъятная туша.

— Федор! — рывкнула Агнесса Эдуардовна, хлестнув каблуком-шпилькой по паркету. — Ты опять жрал мой фикус и тошил на красное дерево? Ты не кот, ты шерстяная кара божья!

Кот приоткрыл один наглый желтый глаз, продемонстри-

ровал ребристую розовую пасть в показательном зевке и отвернулся, мазнув хвостом по спинке исторического кресла.

Бабушка со вздохом сделала глоток кофе и перевела взгляд на меня. Ее идеально выщипанные брови медленно поползли вверх, сканируя мой гардероб.

— Марго. Радость моя. Скажи мне, что ты не ночевала в теплотрассе.

Я усмехнулась, стягивая тяжелое пальто. Оставшись в сером, растянутом до колен свитере крупной вязки, я подошла ближе. Ступни в тяжелых армейских ботинках гудели после ходьбы по брусчатке.

— Привет, ба. Это называется «оверсайз». Мне в нем тепло и комфортно.

Я наклонилась и поцеловала ее в надушенную щеку. Кожа у нее была прохладной, матовой. Мы были до смешного разными. Моя мать, Изольда, в свое время собрала чемоданы и сбежала на Лазурный берег искать богатого мужика, потому что «ваша родовая шизофрения рушит мне жизнь». А меня оставила этой женщине. И пока другие дети ходили на гимнастику, ба учила меня ставить блоки от чужих истерик, читать расклады, откармливала эклерами и заставляла на ощупь отличать викторианскую бронзу от подделок.

— Это называется «маскировка от жизни», дорогая, — бабушка со звоном опустила чашку на блюдце. — Глаза льдистые, фигура потрясающая — нас с тобой в семнадцатом веке сожгли бы просто из зависти. А ты кутаешься в че-

хол от танка. Женщина должна заявлять о себе в пространстве!

Она подошла к зеркалу в позолоченной раме, поправляя воротник шелковой блузки. Для нее магия и светская жизнь были неразделимы. Она крутила романы с галеристами, продавала антиквариат втридорога и пила эту жизнь большими глотками.

— Мне хватает того, что люди фонят своими комплексами и тревогами на весь город, — я опустила на низкий пуф, проведя ладонью по его жесткой гобеленовой обивке. Вытянула уставшие ноги. — Если я надену красивое платье и начну собирать на себя еще и их слюни, у меня сгорят предохранители. Ты блистаешь, ба, а я работаю в изоляции.

Агнесса фыркнула, но в ее темных глазах на секунду проступила совершенно нормальная, человеческая теплота.

— Слава богу, что ты хотя бы от себя самой не бегаешь, как твоя мать, — она стряхнула невидимую пылинку с юбки. — Ладно, затворница. Будешь кофе? Итальянский атташе вчера прислал коробку фисташковых эклеров.

Я улыбнулась. В этом пропахшем деревом и чужими судьбами месте мне всегда было по-настоящему спокойно.

— Давай свои эклеры. И рассказывай про атташе. Сомневаюсь, что он прислал их просто из любви к кондитерскому искусству.

Уголки губ бабушки дрогнули в довольной усмешке. Она потянулась к медной турке. Вечер обещал быть долгим.

Трубы глухо дрогнули, когда я повернула вентиль. Шум воды оборвался, и тишина старой квартиры тут же навалилась на плечи, плотная и вязкая, как мокрая вата.

Я провела ребром ладони по запотевшему зеркалу. Влага собралась в тяжелые капли и поползла вниз по стеклу, открывая бледное лицо. Две пряди у висков — абсолютно белые, остальные — цвета глухой типографской краски, прилипли к щекам. Гидрофильное масло смыло броню из макияжа, оставив только покрасневшую от жесткой воды кожу.

Полотенце полетело в корзину. Я оперлась руками о край раковины, разглядывая себя. «Прячешься, как монашенка-расстрига», — так всегда говорила бабушка, глядя на мои глухие водолазки и пиджаки оверсайз. Я любила свое тело. Любила упругость мышц, тяжесть бедер, собственную физику. Но бабушка была из другого поколения ведьм. Она не понимала, что для меня ткань — это комфорт. В этом городе люди слишком громко фонят. Их паника, похоть и липкая зависть трутся о чужую открытую кожу, оставляя грязные энергетические отпечатки. Закрытая одежда была моим изолятором.

Я влезла в холодный шелковый халат, плотно затянула узел на талии и вышла в гостиную.

Сфинкс Кара спала в кресле, свернувшись в горячий, морщинистый узел. Я опустилась на жесткий стул за дубовым столом. Пальцы сами потянулись к колоде, лежащей на краю.

Делать расклад себе — это как пытаться самостоятельно вырезать себе аппендицит. В лучшем случае ничего не увидишь из-за слепого пятна, в худшем — нарежешь лишнего. Но сегодня ладони требовали тактильности. Шероховатый, чуть истертый по краям картон скользил между пальцами. Трение колоды давало ритм. Успокаивало.

Я стянула три карты и положила их на столешницу рубашками вверх.

Я перевернула первую. Отшельник.

Старая шутка мироздания: женщины моей крови не уживаются с мужчинами. Дело не в проклятии рода и прочей чепухе. Просто сложно делить кухню и постель с человеком, если ты по расширению его зрачков, запаху пота и микроспазмам челюсти знаешь, что он врет, еще до того, как он сформировал фразу. «С тобой некомфортно. Ты будто препарировешь меня за завтраком», — сказал мой последний бывший, нервно застегивая сумку. Это была моя вторая, и последняя попытка построить быт с мужчиной.

Вторая карта. Дьявол.

Логичный итог. Теперь в моей жизни есть только Слава. Инкуб с идеальным кредитным рейтингом. Наш договор был прост: он приходил, мы сжигали лишнюю энергию в постели, он забирал выброс моих эмоций, как плату, и уходил. Никакого быта. Никаких попыток залезть мне в душу — инкубов интересует только физика процесса и калорийность эмоций.

Я коснулась третьей карты. Палец задержался на плотном

картоне. В районе солнечного сплетения вдруг стало тесно. Глупый, совершенно человеческий сбой в системе. Я приняла свою природу, но именно сейчас, в стылую ноябрьскую ночь, отчаянно захотелось простой банальности. Чтобы кто-то просто сидел напротив. Спорил, какой фильм включить и резал лимон в чай.

Я усмехнулась собственным мыслям, убирая руку от карты. Пора спать. Меланхолия — отвратительный симптом недосыпа.

Тук-тук.

Звук был сухим. Костяшками по стеклу. Я замерла, медленно поворачивая голову к окну. Второй этаж. Сталинка. Снаружи — только голые ветки вязов и отвесная кирпичная стена.

Стук повторился. Кара в кресле даже не открыла глаза, только передернула лысой кожей на спине. Значит, не угроза. Фамильяры чуют агрессивную дрянь за километр. Если спит, значит, за окном знакомая особь.

Я подошла к окну и повернула металлическую ручку.

На узком каменном карнизе девятнадцатого века сидел Слава. Одна нога беспечно свешивалась вниз, пятка ботинка упиралась в лепнину. В распахнутом бежевом пальто и темной водолазке он выглядел слишком массивно для такой хлипкой опоры, но гравитация, казалось, просто не решалась сделать ему замечание. Русые волосы растрепал ветер, скулы резко выделялись в свете желтого уличного фонаря.

Он поймал мой взгляд, уголок его губ дрогнул. Я толкнула створку окна. В комнату тут же хлынул ледяной ноябрьский воздух, а вместе с ним — запах раскаленного утюга на влажной ткани и черного перца. Так пахла его физиология.

— Слава, — ровно произнесла я. — Человечество потратило века на изобретение дверных замков и домофонов. Уважай чужой труд.

Он плавно переместил вес и перешагнул через подоконник. Никакого шума, просто сто килограммов чужого веса бесшумно опустились на паркет.

— В подъезде пахнет хлоркой, Марго. Это оскорбляет рецепторы, — его голос вибрировал на тех низких частотах, которые бьют сразу в ключицы, минуя барабанные перепонки. Акустическая уловка их вида.

Температура в гостиной начала стремительно расти. От Славы несло жаром, как от вскрытой теплотрассы. Кара, почувствовав изменение климата, спрыгнула с кресла и потерлась боком о его штанину. Ее ребра мелко заходили ходунком, издавая сухой, щелкающий звук удовольствия. Слава опустил тяжелую ладонь, рассеянно почесав кошку между ушами.

— Что ты здесь забыл в два ночи? У нас не было в графике сегодняшнего дня.

— Шел мимо, — он выпрямился. В полутьме его зрачки расширились почти на всю радужку, поглощая скудный свет комнаты. — У тебя пульс замедлился и давление упало так,

что на улице чувствуется. Думал, ты тут в обмороке лежишь, а ты...

Он обвел взглядом мой халат, задержался на влажных волосах, прилипших к шее. Воздух между нами стал сухим, шершавым.

— Я работаю с колодой, — я кивнула на стол, обрывая его диагностику.

В этот момент сквозняк из открытого окна подцепил третью карту. Картон перевернулся и лег на столешницу лицом вверх. Слава подошел ближе, бросив взгляд на стол.

— Рыцарь Жезлов, — прочитал он. Губы снова изогнулись в кривой усмешке. — Внезапный визит, вспышка, движение. Твои картинки не врут.

Он сделал еще один шаг, вторгаясь в мое личное пространство. Жар его тела прошивал холодный шелк халата. Слава поднял руку, и его пальцы — сухие, обжигаяще горячие — скользнули по моей щеке, убирая белую прядь за ухо.

— Так что насчет чая? — тихо спросил он. Его дыхание коснулось моей кожи. — Или ты найдешь мне применение получше?

Внизу живота привычно стянулся тяжелый, тянущий узел. Меланхолия сгорела в радиусе метра от него. Я посмотрела на его ключицы, виднеющиеся в воротах водолазки. Банальность может подождать до завтра.

— Чай будешь пить у себя дома, — я потянула за узел пояса на талии. Тонкий шелк скользнул по плечам и бесшумно

осел на паркет. — А здесь разувайся. И не смей топтать мне ковер уличной обувью.

Слава не сводил немигающего взгляда с моих ключиц. Я стояла перед ним абсолютно голая. Тяжелые влажные пряди холодили спину, капля воды сорвалась с кончиков волос и медленно поползла вниз по груди. Тень от оконной рамы ломалась на его лице, а тусклый свет с Покровки выхватывал лишь жесткую линию челюсти и то, как медленно дернулся его кадык. Он скинул ботинки — не наклоняясь, просто сбросил их с пяток с пугающей, тягучей пластикой, и бесшумно шагнул ко мне по ворсу ковра.

Разница температур ударила по нервам еще до того, как он коснулся меня. Воздух вокруг него казался густым, пересушенным, как над раскаленным асфальтом. Когда его широкие ладони легли на мою влажную талию, я невольно выдохнула сквозь стиснутые зубы. Кожа, быстро остывающая на сквозняке, встретилась с его обжигающим теплом. Вода под его пальцами, казалось, вот-вот зашипит.

Он не торопился. В этом и была суть: инкубы не просто поглощают чужую похоть, они делают это через абсолютное, тотальное подчинение тела. Слава опустил голову, утыкаясь носом мне в шею, и его горячее дыхание мазнуло по мокрой коже. Его губы скользнули по линии ключицы, пока большие пальцы медленно, с нажимом, обрисовывали ямочки на пояснице. Каждое его прикосновение было выверенным, абсолютным знанием анатомии удовольствия. Мои колени дрог-

нули. Он точно знал, где нажать, как провести шершавой мозолистой ладонью по бедру, чтобы выбить из меня тихий, неконтролируемый стон.

Запах жженого сахара и терпкого черного перца заполнил легкие. Я запустила пальцы в его жесткие волосы, пока его губы спускались ниже, слизывая капли воды с моей груди. От его языка исходил такой сухой жар, что влага испарялась мгновенно, оставляя на коже горящие следы. Он плавил мое физическое напряжение, превращая тело в послушный, отзывчивый инструмент.

Тесня меня к спальне, он ни на секунду не разрывал тактильного контакта. Подколенки ударились о край кровати. Я упала на спину, и плотный матрас бесшумно поглотил звук. Слава навис надо мной. В полумраке уличный свет отразился в его глазах тяжелым золотом. Брюки и водолазка полетели на пол. Он прижался ко мне. Кожа к коже. Сухой жар к прохладной влаге.

Его губы были жесткими, со вкусом соли. Слава вошел медленно, до краев заполняя меня своим обжигающим объемом, и замер на удар сердца, давая привыкнуть. А затем начал двигаться — глубоко, ритмично, растягивая каждое скольжение. Это не было бездумным животным актом. Это было виртуозное исполнение. С каждым его толчком по нервам расходились горячие искры, сплетаясь в тугую спираль внизу живота.

Он доводил меня до грани и отступал, меняя темп, застав-

для выгибаться навстречу, искать его губы, царапать ногтями скользкую от пота спину. Я кусала его плечо, на языке оставался солоноватый вкус, а в голове не осталось ни одной связной мысли. Моя эмпатия, забитая чужими истериками и фоновой городской злобой, начала плавиться в этом первобытном огне.

Слава почувствовал, что я на пределе. Он глухо выдохнул мне в шею — утробный, вибрирующий в костях звук — и ускорил темп, вколачивая в меня удовольствие такой силы, что перед глазами поплыли темные круги.

Меня накрыло. Стянувшее грудь напряжение лопнуло. Я вскрикнула, до побеления в костяшках впиваясь в его плечи, и мышцы свело жестокой, сладкой судорогой.

Именно в эту секунду, на пике моего срыва, Слава прижался губами к моим губам. Он буквально выпивал мой оргазм. Я чувствовала, как вместе с прерывистыми, рваными выдохами из меня мощным потоком уходит всё: ослепительная вспышка физического экстаза, а следом за ней — вырванная с корнем тяжесть чужих эмоций, липкий ментальный осадок и накопившаяся усталость. Он поглощал выброс моей чистой энергии и грязного морока, жадно сглатывая ее, как изысканное вино.

Я провалилась в звенящую, стерильную пустоту. Тело пульсировало, расслабленное до состояния воды.

Слава медленно опустился на меня, накрывая своим тяжелым, влажным от пота телом. Его сердце билось ровно, ды-

хание выравнивалось. Он уткнулся лицом в мои растрепанные волосы, плотно и властно прижимая меня к матрасу. В этом жесте было столько сытого покоя, словно огромный змей наконец-то свернулся кольцами вокруг своего сокровища, погружаясь в теплое оцепенение после идеальной охоты.

По глазам резануло желтым.

Я моргнула, фокусируя зрение на потолке. Утреннее солнце било сквозь щель в шторах прямо на подушку. Во рту пересохло. Я спустила ноги с кровати, чувствуя, как ступни благодарно принимает холодный паркет. Тело ощущалось легким, выпотрошенным в самом лучшем смысле этого слова — ни грамма вчерашней ведьмовской тяжести, ни капли чужого ментального мусора. Идеальная пустота и не какой меланхолии.

За спиной раздался глубокий вздох. Слава занимал две трети кровати, нагло раскинув конечности. Одеяло сползло на пол. Он излучал ровное, сытое тепло.

Я накинула халат и пошла на кухню. Жернова кофемашины заскрежетали, перемалывая зерна. Этот звук всегда служил лучшим будильником. Когда я вернулась в спальню, держа в руках две чашки черного кофе без сахара, Слава уже сидел, привалившись спиной к изголовью и потирая лицо обеими руками.

— Если в этом кофе нет чего-нибудь крепче кофеина, я обижусь, — хрипло произнес он, глядя на меня из-под упавшей на лоб челки.

— Обойдешься. — я поставила одну чашку на его тумбочку, а сама села на край кровати, забирая с подоконника телефон. Экран мигал от пропущенных уведомлений.

— Поднимайся. Тебе пора в твой корпоративный мир, а мне нужно проветрить квартиру.

Слава сделал глоток, поморщился от горечи и поставил чашку обратно.

— Кто-то снова свернул не туда на перекрестке судьбы? У тебя вроде прием только с полудня.

— Вчера записалась срочная, — я скривила губы, вчитываясь в текст сообщения от клиентки. — Через сорок минут в мою дверь позвонит женщина. Она свято верит, что конкуренты-заводчики прокляли ее выставочного шпица, потому что пес отказывается есть.

Я заблокировала экран и посмотрела на Славу.

— Мне нужно хотя бы полчаса полной тишины, чтобы найти в себе силы не отправить ее к ветеринару с помощью мата и такой - то матери. Так что допивай, одевайся и на выход. Без использования окна.

Слава не стал спорить. Он допил кофе в два больших глотка, морщась от горечи, с глухим стуком поставил чашку на тумбочку и начал одеваться. Я наблюдала за ним, прислонившись плечом к дверному косяку. Натягивая водолазку, он на секунду замер, словно прислушиваясь к ощущениям в собственном теле, затем коротко кивнул мне — сыто, почти благодарно — и вышел в коридор. Щелкнул замок входной

двери. В квартире сразу стало на пару градусов прохладнее.

Глава 3

У меня было меньше сорока минут. Я сбросила халат, быстро приняла душ, смывая с кожи остатки инкубьего жара, и влезла в рабочую броню: широкие темные брюки и плотную черную рубашку. Гладкая ткань приятно холодила плечи.

Выходя в общий коридор, я подхватила на руки Кару. Моя сфинкс недовольно мявкнула, но привычно вцепилась передними лапами в мое плечо, прижимаясь горячим, похожим на замшу телом. Мой кабинет находился в соседней квартире на этой же лестничной клетке. Я прижала кошку крепче, провернула ключ в тяжелой металлической двери тринадцатого номера и шагнула внутрь.

Здесь пахло старой бумагой, мореным дубом и терпкостью вчерашнего эспрессо. Я щелкнула выключателем и опустила Кару прямо на столешницу. Она тут же деловито улеглась на углу стола и принялась вылизывать заднюю лапу, всем своим видом показывая, что готова к приему.

Резкая трель дверного звонка раздалась ровно в тот момент, когда я достала колоду из бархатного мешочка.

В кабинет вплыла женщина, состоящая из кашемира, филлеров и тревожной скуки. В руках она тискала шпица. Собака выглядела как заложник гламура: намертво затянутая в тесный комбинезон со стразами, она часто и сипло ды-

шала, вывалив язык.

— На моего Арчибальда сто процентов навели порчу, ну или сглаз! — причитала дама, плюхаясь в антикварное кресло напротив и нервно звеня браслетами. — Он такой вялый. Отказывается спать насвоей любимой шелковой подушке и совсем не ест утренние макаруны! Почистите ему карму, Маргарита.

Я посмотрела на пса. Никакой магии. Просто жесткий, раздутый живот, угадывающийся под тканью комбинезона, и мутный взгляд животного, которому физически плохо. Современная ведьма — это наполовину ветеринар, наполовину психиатр. Люди маниакально избегают ответственности. Проще поверить в демонов, чем признать собственную глупость.

Мои длинные ногти ритмично отбили дробь по рубашке колоды. Я сдвинула верхнюю карту и перевернула ее.

— Шут, — ровно произнесла я. — Аркан слепого движения к пропасти.

Я подняла взгляд на клиентку, упираясь глазами в ее перекачанные губы.

— Ваш Арчибальд биологически всё еще собака, а не плюшевая игрушка. А вы кормите его французскими десертами. Карты не видят порчи. Они видят острый гастрит.

Я выразительно постучала ногтем по картону.

— Снимите с пса этот наряд, пока он не задохнулся от перегрева. Дайте ему кусок сырой говядины и отвезите на УЗИ

желудка. Иначе его линия судьбы закончится на хирургическом столе.

Дама возмущенно ахнула, хватая ртом воздух. Губы сжались в обиженную нитку. Она молча сгребла подмышку кряхтящего шпица, оскорблено вскинула подбородок и, яростно вколачивая шпильки в паркет, пулей вылетела из кабинета.

Я едва успела приоткрыть окно, чтобы выветрить тяжелый шлейф ее парфюма, как дверь снова распахнулась. Вторая клиентка опоздала, но ворвалась внутрь так, словно за ней гнались всадники Апокалипсиса.

Безразмерный эко-шопер на плече, стакан с матчей на альтернативном молоке в руке и целая россыпь браслетов из лунного камня. За ней тянулся густой, удушливый запах жженого пало санто. Кара перестала вылизываться, недовольно прищурила желтые глаза, чихнула от благовоний и демонстративно отвернулась к стене.

— Маргарита, вы моя последняя надежда! — с порога выпалила девушка, падая в кресло. Матча опасно плеснула на пластиковую крышку. — Мой астролог сказал, что у меня пробит денежный канал, а таролог из ТикТока увидела кармический узел!

— И вам добрый день, Екатерина, — я медленно перетасовала колоду, чувствуя успокаивающую шероховатость картона. — Денежный канал или кармический узел? Это, знаете ли, разные диагнозы.

— Это всё Денис! — она трагически заломила руки. Камни звякнули, как бубенцы на цыганской кибитке. — Мой близнецовый пламень! Мы были на одних вибрациях, делали аскезу на сахар. А неделю назад связь оборвалась. Он перестал читать мои сообщения! Я чувствую, что его захватили низкочастотные сущности и тянут на дно!

— А давно ваш пламень перестал выходить на связь? — спросила я, выкладывая карты веером.

— С тех пор, как занял у меня четыреста тысяч на запуск стартапа по осознанному дыханию, — шмыгнула носом Катя.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки, чтобы не рассмеяться.

— Действительно. Очень кармически. Сдвиньте часть колоды левой рукой, пожалуйста.

Катя благоговейно коснулась карт дрожащими пальцами. Пространство над столом даже не думало идти магической рябью. Воздух оставался прозрачным. Никаких сущностей, только звенящая человеческая наивность.

Я перевернула две карты. Семерка Мечей и перевернутый Паж Пентаклей. Вор, крадущийся с добычей в ночи, и потраченные ресурсы. Классика. Я провела подушечкой большого пальца по кромке Семерки.

— У меня для вас две новости, Екатерина. С какой начать?

— С плохой! — выдохнула она, подавшись вперед.

— Ваш Денис не борется с низкочастотными сущностями. Судя по Пажу Пентаклей, он вполне осознанно дышит где-то в районе Дубая. За ваш счет. И, судя по соседним арканам, дышит он там не один, а с девушкой, чьи вибрации оказались чуть более... спонсорскими.

Лицо Кати вытянулось. Нижняя губа мелко задрожала.

— А... а хорошая новость? — пискнула она.

— Хорошая новость в том, что порчи на вас нет, — я ободряюще улыбнулась. — Вы просто влюбились в мошенника с хорошим словарным запасом. Такое бывает. Мой вам совет: перестаньте жечь пало санто и напишите заявление в полицию о факте мошенничества. У следователей отличные методики по возврату близнецовых пламен на родину.

Катя сидела, открыв рот. Вся ее эзотерическая спесь стекла на пол. В этот момент Кара, словно решив добить клиентку, лениво протянула заднюю лапу и аккуратно, но уверенно столкнула со стола Катин кристалл аметиста, который она притащила с собой. Тот с глухим стуком откатился к ножке кресла. Кошка посмотрела на девушку немигающим глазом и коротко мяукнула.

— Мой ассистент намекает, что сеанс окончен, — я кивнула на терминал оплаты. — С вас пять тысяч.

Когда за шмыгающей носом Катей закрылась дверь, я со стоном уронила голову на скрещенные руки.

— Вот скажи мне, чудовище, — пробормотала я в сукно стола, пока Кара терлась горячим боком о мой локоть. —

Почему обязательно нужны кармические узлы и ретроградный Меркурий, чтобы просто признать, что тебя кинули на деньги?

Кара философски зевнула.

За высокими окнами тринадцатой квартиры гудел продрогший город. В кабинете было тихо и уютно, пока этот покой не начала разрушать третья клиентка.

Инна громко, со свистом дышала через нос и безостановочно ерзала в кресле. Антикварная обивка жалобно скрипела под ней. Клиентка была затянута в агрессивно-леопардовую блузку, которая, казалось, вот-вот лопнет на ее груди. От нее несло душным цветочным парфюмом масс-маркета и липкой, потной паникой. Кара с брезгливым недоумением разглядывала леопардовый принт.

Вжик. Вжик. Шероховатый картон скользил по коже, отдавая легким статическим покалыванием. Сухой шелест карт задавал ритм, вытесняя истеричное сопение.

Я выложила на мореный дуб три карты. Перевернутая Императрица. Дьявол. Башня.

Линия, тянущаяся от Инны к ее сбежавшему мужу, была истонченной и глухой. Никакого приворота. Молоденькая пилатес-тренерша мужа была вообще ни при чем. Мужик просто спасался бегством от этого бесформенного комка претензий и комплексов. Но нельзя продать женщине совет «перестаньте жрать эклеры на ночь и займитесь собой»

за солидный прайс. Банальная человеческая лень требовала великого таинства.

Я подалась вперед. Две белые пряди скользнули по щекам. Мой длинный ноготь с сухим стуком опустился на рушащийся остов Башни.

Тук-тук.

— Все очень запущено, Инна, — произнесла я предельно серьезным, почти медицинским тоном, глядя прямо в ее водянистые глаза. — Это не просто пробитая аура. Ваш энергетический контур заплыл астральным жиром.

— Ч-чем? — Инна замерла. Леопард перестал трещать.

— Астральным жиром, — непреклонно повторила я, не моргнув и глазом. — Это тяжелая, мертвая энергия. Этот кисель буквально притягивает низших сущностей. Лярв. Они облепили ваше биополе, питаются вашей ленью и отталкивают мужчин. Ваш муж сбежал не к любовнице. Он бежал от инфернальных паразитов, которые вас жрут.

Инна побелела. Ее пухлые пальцы с облупившимся маникюром судорожно вцепились в край стола.

— Маргарита... Что же делать? — просипела она. — Есть обряд? Амулет? Я заплачу!

Я откинулась в кресле, скрестив руки на груди. Кара громко зевнула, демонстрируя клыки, словно подтверждая мои слова о хищниках.

— Амулеты тут бессильны. Потребуется Алхимия тела. Полная перезагрузка через физическое страдание. Во-пер-

вых, жесткая аскеза: полный отказ от быстрых углеводов и сахара — именно ими питаются лярвы. Во-вторых, выжигание негатива. Трижды в неделю вы идете в место массового скопления кинетической энергии. В спортзал. Берете холодное железо и тягаете вес.

Инна непонимающе заморгала, хлопая тяжелыми накладными ресницами:

— Железо? Типа... фитнес?

— Типа древний ритуал! — отрезала я, добавив в голос властной театральности. — Железо — это первоэлемент. Каждое ваше приседание со штангой — это ментальный удар по сопернице. Ваш пот вымоет астральную гниль. Только через мышечную боль вы перекуете свои линии судьбы. Вы меня поняли?

Инна судорожно закивала.

— И да, — я брезгливо кивнула на ее декольте. — Сегодня же сожгите эту блузку. Она фонит некротикой нищеты.

Через десять минут за Инной закрылась тяжелая дверь. Она уходила с фанатично горящим взглядом крестоносца. Завтра она купит абонемент и ляжет костями под штангу, свято веря, что творит черное магическое возмездие. И, что самое забавное, через полгода действительно приведет себя в порядок и вернет мужа. Магия самовнушения работает безотказно.

Я искренне усмехнулась, сгребая со стола пухлую стопку купюр. Все-таки мой Дар — потрясающе полезная штука.

Главное — правильно сформулировать диагноз.

Глава 4

Косые полосы ледяного ноябрьского дождя с ожесточением хлестали по высоким окнам кабинета. В тринадцатой квартире привычно пахло терпкой арабикой и сухой пылью, но когда порог перешагнул мой следующий клиент, воздух в помещении мгновенно утяжелился.

Максим принес с собой запах мокрого кашемира, хорошего табака и плотного парфюма с нотами кедра. Он опустился в кресло грузно, как человек, который не спал несколько суток. Прямая спина, сцепленные в замок крупные пальцы с коротко остриженными ногтями. Он не пытался казаться хозяином жизни — он просто смертельно устал. Для человека с его жестким, аналитическим складом ума визит к тарологу был не блажью, а жестом глухого отчаяния. Логика уперлась в тупик, и он пришел туда, где работают другие правила.

— Меня уговорила сестра, — его голос звучал сипло, слова падали на стол неподъемным грузом. — Я прагматик, Маргарита. Я не верю в мистику. Но у меня утекает информация. Три сорванных госзаказа за квартал. Ювелирные сливы на закрытых тендерах. Моя служба безопасности перерыла всё. Жучков нет. Телефоны чистые. Полиграфы пройдены. Мы бьемся лбом в бетонную стену.

Я молчала, глядя на его напряженные, побелевшие костяшки.

Вжик. Вжик.

Мои пальцы медленно тасовали колоду. Звук скользящего картона рассекал тишину.

— Сдвиньте часть колоды к себе. Левой рукой, — ровно попросила я.

Он помедлил, но повиновался. Его пальцы, привыкшие подписывать многомиллионные контракты, неуверенно коснулись потертой рубашки карт.

В ту же секунду я почувствовала это. Тягучую, липкую тяжесть чужого обмана, от которой заныли корни зубов. Это и была моя настоящая суть — безошибочное считывание фактуры чужой судьбы. Но люди уверены, что Таро — это просто интуиция, эмпатия и наблюдательность. Я берегла этот миф как зеницу ока. Узнай такие парни, как Максим, что я действительно чувствую узлы вероятностей, моя карьера закончилась бы в звукоизолированном подвале, где меня заставили бы работать корпоративным радаром. Поэтому я притворялась просто очень хорошим, до жути проницательным специалистом.

Я выложила на мореный дуб три аркана. Семерка Мечей. Перевернутый Иерофант. Тройка Кубков.

— Ваша служба безопасности ищет цифровой след, Максим, — произнесла я, подпирая щеку рукой. — А карты показывают след человеческий. Глубоко личный.

Я постучала ногтем по первому аркану.

— Семерка Мечей. Аркан тайны и воровства. Но это не

взлом. Ваш вор не лез в окно с фомкой. Он зашел через парадную дверь.

Я перевела палец на вторую карту.

— Перевернутый Иерофант. Рухнувший авторитет. Вы ищете крота среди наемных клерков, а смотреть надо на тех, кто стоит с вами на одной ступени. Кого вы уважаете.

И, наконец, третья.

— Тройка Кубков. Карта застолья, братства и неформальных связей.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела ему прямо в глаза.

— Кого не проверяют на полиграфе, Максим? Кому вы доверяете по умолчанию? Тот, с кем вы делите хлеб и кому не боитесь поворачиваться спиной.

Его рациональный разум немедленно выстроил глухую оборону. Он скептически скривил губы.

— Это чушь. Вы пытаетесь ткнуть пальцем в небо общими фразами. Мой ближний круг — монолит. Мы пятнадцать лет назад начинали бизнес в одном гараже.

— Монолиты не сливают госзаказы, — ровно, без капли сочувствия отрезала я. — Давайте проверим вашу память. Вспомните последний крупный слив. Тот самый тендер, который ушел конкурентам. Где вы обсуждали его концепцию до того, как она легла на бумагу?

Он нахмурился, собираясь что-то ответить, но я не дала ему перехватить инициативу.

— Смотрите на Тройку Кубков. Это не переговорная под камерами. Это место, где вы расслаблены. Где вы пьете. Загородный дом? Баня? Охота? Вы не передавали документы. Вы просто озвучили цифры между делом, под хорошую сигару или рюмку. Кто сидел напротив вас? Кто этот человек из гаража?

В кабинете повисла оглушительная тишина.

Я увидела, как дрогнул его кадык. Запах дорогого кедрового парфюма внезапно приобрел резкий, кислый оттенок — у Максима подскочил пульс, адреналин ударил в кровь. Его зрачки едва заметно расширились. Мозг прагматика только что сложил воедино мои наводящие вопросы с теми внезапными отлучками партнера, о которых знал только он сам. Пазл сошелся.

Ему было невыносимо больно смотреть правде в глаза. Защитная реакция вздыбилась, требуя немедленно атаковать источник этой боли. Максим издал короткий, лающий смешок и резко подался вперед. Кожаное кресло протестующе закрипело.

— Дешевый трюк, — выплюнул он. Голос сорвался, обнажив грубую, злую интонацию. — Вы просто хороший манипулятор. Задаете правильные вопросы, смотрите на реакцию. Вы думаете, я поверю картонкам, что мой партнер меня предает?

Я не пошевелилась. Только машинально заправила за ухо мешающую белую прядь и опустила ладонь на спину Ка-

ры. Сфинкс, недовольная тем, что над нами кто-то нависает, приоткрыла один желтый глаз и тихо зашипела.

— Мой сеанс стоит пятьдесят тысяч, Максим, — ледяным тоном ответила я. — Вы платите мне не за мистику. Вы платите мне за то, чтобы я стала зеркалом, в которое вы сами смертельно боитесь заглянуть. Вы пришли сюда, потому что глубоко внутри уже знали ответ. Вам просто нужно было услышать его вслух.

Слова сработали как точный удар под ребра.

Гнев схлынул с него так же стремительно, как и вспыхнул. Плечи опустились. Ему предстояло своими руками вырвать огромный кусок собственной жизни, вычеркнуть человека, которого он считал братом. Он бросил последний, тяжелый взгляд на разложенные карты, коротко кивнул и молча поднялся.

Щелчок дверного замка прозвучал громко и финально.

Первые колючие заморозки пришли в город спустя неделю, высушив слякоть и сковав лужи серым льдом.

Я сидела в кабинете за дубовым столом, грея озябшие пальцы о чашку с утренним эспрессо. За стеклом ветер гнал серую пыль по узкому тротуару.

Экран лежащего рядом телефона коротко мигнул, разрезая тишину. Сообщение с незнакомого номера.

«Вы были правы».

Я сделала глоток обжигающе горького кофе. Не успела отставить чашку, как смартфон завибрировал снова. На экран

выскочило системное уведомление из банковского приложения:

«Перевод: 500 000 руб.

Комментарий: За точный прогноз. М.».

Я хмыкнула, заблокировала экран и потянулась в кресле до сочного хруста в позвонках. Линии чужих судеб сами себя не распутают. А моя маскировка работает безупречно.

Глава 5

Ольга походила на дорогуую, но безнадежно больную птицу, которую забыли в золотой клетке. В свои двадцать восемь она выглядела на тусклые, изможденные сорок. Тяжелый платиновый Rolex болтался на ее истончившемся запястье, как стальной обруч на высохшей ветке, грозя соскользнуть при каждом резком жесте. От клиентки пахло плотным кашемиром, аптечной валерьянкой и... медью. Едва уловимым, гнилостным запахом медленно угасающего тела.

Я сидела напротив, за массивным столом мореного дуба, и механически тасовала колоду. Плотный картон терся под подушечками пальцев с сухим, мерным шелестом: вжик-вжик.

— Игорь говорит, это психосоматика... — ее голос дал трещину, тонкие пальцы с обломанным маникюром нервно затеребили бриллиантовую пусету в мочке уха. — Что я просто заиклилась на ребенке и сама себя накручиваю. Он сам привозит мне специальные витамины из Швейцарии. Следит, чтобы я не пропускала прием. Но мне все хуже, Маргарита. Я падаю в обмороки. Меня воротит от любой еды. Может, на мне проклятие? Я же сирота, унаследовала отцовский бизнес, вдруг мачеха или партнеры...

Я молча сдвинула верхнюю часть колоды и выложила на темное дерево три карты.

Десятка Мечей. Луна. Башня.

Внутри все стянулось в тугой, холодный узел. Карты не выдают имен и адресов, они вскрывают суть. Мечи — предел физического истощения, Луна — морок, скрытая отравка, Башня — тотальное крушение жизни. Сложите это с запахом распадающейся крови и заботливым мужем, который лично выдает жене «витамины». Уравнение сходилось слишком легко и слишком мерзко. Никакой мистики. Финал этой инвестиционной стратегии был примитивен до зубовного скрежета: остановка сердца, безутешный вдовец и активы богатой сироты, переходящие к нему в обход брачного договора.

Я сжала челюсти. В горле встал горький ком отвращения. Скажи я ей сейчас правду — «твой обожаемый Игорь методично подсыпает тебе яд» — она сочтет меня сумасшедшей. А вечером, глотая слезы, пожалуется мужу на больную на голову гадалку. И тогда этой же ночью Игорь поймет, что время вышло, и у его жены совершенно «случайно» оторвется тромб.

Я накрыла карты ладонью. Ольга дернулась, втянув голову в плечи, будто ожидая удара.

— Никакой порчи от конкурентов нет, — ровно и безапелляционно произнесла я, выстраивая стену спокойствия. — На вас банальное энергетическое отторжение. Ваши швейцарские витамины вступают в конфликт с вашим полем. Они блокируют женскую суть, отсюда тошнота и слабость.

Она распахнула бледные, слезящиеся глаза.

— Чтобы я смогла почистить ваш канал, мне нужен физический якорь, — я подалась вперед, фиксируя ее взгляд, не давая ей отвести глаза. — С этой секунды вы не пьете ни одной таблетки. Все капсулы спускаете в унитаз, а мужу говорите, что исправно их глотаете. Завтра утром, втайне от него, едете в независимую лабораторию и сдаете развернутый анализ крови. Обязательно на наличие тяжелых металлов.

— На металлы? — ее губы задрожали.

— Базовый скрининг для обряда, Ольга, — не моргнув глазом, солгала я. — Мне нужно знать состав вашей крови, чтобы подобрать правильные травы для окуривания. Сделаете?

— Да. Да, конечно. Ради ребенка — все что угодно.

Как только за ней щелкнул дверной замок, я с силой выдохнула, откинувшись на спинку кресла. Я выиграла ей пару дней, заставив выкинуть отраву, и подтолкнула к созданию единственной бумажки, которая сможет спасти ей жизнь. Но Игорь не идиот. Когда жена перестанет чахнуть, он поймет, что схема дала сбой, и найдет способ надежнее.

Я стянула со стола телефон. Магия — отличный инструмент для поиска правды, но чтобы посадить ублюдка, нужна грубая сила закона.

— Ба? Привет. Отложи свои эклеры. Мне срочно нужен твой Виктор Олегович. У нас тут намечается грязное дело о наследстве, и мне требуется кто-то, кто мыслит не арканами, а Уголовным кодексом.

Декабрьский ветер царапал лицо мелкой ледяной крошкой, пока я шла переулками до Арбата. Толкнув тяжелую дверь антикварной лавки, я шагнула в тепло, принося с собой запах сырой шерсти и мокрого асфальта.

Здесь пахло свежесваренной арабикой, въевшейся в старое дерево восковой мастикой и морозным, с жесткой хвойной нотой, парфюмом Усольцева.

Генерал сидел на старинном диване-честерфилд, уперев тяжелые предплечья в колени. В этой обстановке музейной изящности, среди хрупких фарфоровых пастушек и резного красного дерева, Виктор Олегович выглядел чужеродно. Как гранитный валун в оранжерее. Суровый, массивный, наглухо застегнутый в свою прагматичность.

Я опустилась в кресло напротив, расстегнув пальто, и достала колоду. Моя кошка, Кара, приехавшая со мной в переноске, уже выбралась наружу и свернулась горячим лысым бубликом у меня на коленях. Она недовольно дернула кожистым ухом, когда край карты мазнул ее по боку. Бабушка Агнесса сидела у окна, неторопливо опуская тонкостенную чашку на блюдце. У ее ног, раскинув пушистое пузо, спал ее любимец Федоил. Со стороны казалось, что мы интеллигентно обсуждаем покупку картин девятнадцатого века, а не подготовку к аресту.

— Ты не можешь просто взять и нагрянуть к нему с обыском? — я сдала партию на стеклянный журнальный столик.

Картон ложился рубашкой вверх. Глухо. Резко. — Я видела расклад, Виктор Олегович. Он медленно ее убивает. Вливает отраву прямо в рот под видом заботы.

Усольцев поднял на меня немигающий, тяжелый взгляд оперативника.

— Марго, мы не в кино, — его голос прозвучал сухо, словно скрип кожаного ремня. — Нет тела, нет заключения эксперта — нет статьи. С чем я к нему приду? Скажу дежурному судье, что таролог увидела в картонках мышьяк? Вломимся без железобетонных бумаг — он наймет лучших адвокатов и размажет нас в прессе за превышение. А жену под шумок увезет за границу «на реабилитацию». И там тихо добьет.

Я нервно накрутила белую прядь на палец. Злость колотилась где-то под ребрами. Я ненавидела эту беспомощность. Я видела правду, я чувствовала запах скорой смерти на Ольге, но для системы я была просто девицей с раскрашенными картонками.

— Значит, мы просто ждем, пока он досыпет ей отравы в утренний чай?

— Мы ищем мотив и активы, — Агнесса изящно отставила чашку. В ее бархатном голосе лязгнула сталь. — Марго, такие мужчины не травят жен из спортивного интереса. Это чистый расчет. Он ждет вступления в наследство. И я готова поставить свой лучший флорентийский комод на то, что он уже мысленно тратит эти миллионы на другую женщину. Жадность всегда ходит рядом с похотью.

Генерал медленно, весомо кивнул.

— Завтра девочка сдает кровь, — он откинулся на спинку дивана, кожа под ним жалобно скрипнула. — Это даст нам хоть какое-то основание для разработки. А мои ребята тем временем по-тихому пробьют его биллинги, переводы и тайные аренды. Мы найдем его любовницу и офшоры. И вывалим эти папки прямо на стол твоей клиентке вместе с результатами ее анализов.

— Ольга не поверит картам, но поверит выписке со счета мужа на имя левой девицы, — резюмировала бабушка, поправляя идеальную укладку.

Я провела ладонью по лицу, пытаюсь стереть усталость. Горячая кожа Кары под пальцами пульсировала, заземляя меня, возвращая в реальность.

— То есть, чтобы спасти ей жизнь, мы должны показательно разбить ей сердце, — я уставилась на рубашки карт.

Усольцев тяжело поднялся на ноги, одним скупым движением поправляя пиджак.

— Поверь моему опыту, Марго. Лучше рыдать от предательства в моем кабинете, чем молчать в морге.

Обратная дорога домой слилась в серую полосу из дворников, размазывающих слякоть по лобовому стеклу, и красных стоп-сигналов пробки.

Только оказавшись в своей двенадцатой квартире, я почувствовала, как отпускает напряжение в плечах. Здесь, за

двойной дверью, царил полумрак и абсолютная безопасность. Стянув влажные ботинки, я прошла в гостиную и опустилась прямо на пушистый ковер, скрестив ноги.

В круге желтого света от торшера лежал кусок шелка. Ольга забыла свой шейный платок на стуле в моем кабинете.

Кара подошла сзади, потерлась о мое бедро и свернулась рядом. Я поднесла ткань к лицу. Сквозь дорогой пудровый парфюм настойчиво пробивался запах животного страха и холодного пота. Идеальный якорь.

Я положила платок перед собой на ворс ковра. Взяла колоду. Вжик-вжик. Дыхание замедлилось. Вдох, выдох. Проблема заключалась в том, что сам Игорь для меня не читался. Он был слепым пятном — то ли в силу природной толстокожести, то ли из-за банального отсутствия рефлексии. Но чтобы понять фигуру, не обязательно смотреть на нее в упор. Достаточно изучить тени, которые она отбрасывает на других.

Голова привычно потяжелела, в затылке заныло — плата за глубокое погружение в чужую грязь. Я сдвинула колоду, вытянула первую карту и опустила ее на шелк.

Дьявол.

Токсичная, удушающая привязанность. Подчинение чужой воли через зависимость. Бабушка оказалась права на двести процентов: мужчина превратил брак в бизнес-проект с плановой ликвидацией партнера.

Вторая карта легла крестом. Перевернутая Луна.

Обман, который скоро вскроется. Иллюзия идеального брака, готовая расколоться о сухие цифры в бланке из лаборатории.

Я потеряла переносицу. Картинка была объемной, но мне не хватало одной детали. Куда именно текут деньги? Кто та, ради которой расчищается место?

Третья карта легла в основание. Тройка Мечей.

Распоротое сердце. Удар в спину от того, кто стоит ближе всех.

Пальцы слегка онемели от холода, идущего от картона. Я потянулась за последней картой и перевернула ее.

Дама Кубков.

Эмоциональная, близкая, эмпатичная женщина. Я всмотрелась в рисунок, и внутри похолодело. Энергетика карты не была чужой. Она резонировала с платком Ольги, цеплялась за него, как репейник. Пазл в голове с тихим щелчком сошелся в единую, кристально понятную и абсолютно омерзительную схему.

Я с шумом выдохнула и отбросила колоду. К горлу подкатила тошнота.

Любовница мужа не была случайной эскортницей из клуба или услужливой секретаршей, которой сняли квартиру на окраине. Дама Кубков — это доверенное лицо. Человек, входящий в дом. Женщина, которая пила с Ольгой чай на кухне, участливо гладила по руке, советовала лучших врачей и сочувственно вздыхала, наблюдая, как та медленно превраща-

ется в труп.

Ее подруга.

Я смотрела на карты, рассыпанные по дорожному шелку, чувствуя, как меня накрывает глухая, бессильная злоба. Завтра утром мне предстоит не просто сказать измученной, поверившей мне девчонке, что муж хочет ее убить. Завтра придется объяснить, что ложку с ядом ему заботливо помогает держать ее самый близкий человек.

Раннее утро встретило меня серой изморозью на окнах. Тяжесть вчерашнего расклада все еще лежала на плечах, когда я нащупала телефон на тумбочке. Ждать было нельзя. Чем дольше Ольга остается в одном доме с мужем, тем выше шанс, что очередная порция заботы станет фатальной.

Гудки тянулись мучительно долго.

— Алло? — ее голос звучал слабо, словно из-под толщи воды.

— Доброе утро, Ольга. Это Маргарита. Собирайтесь.

— Что? Сейчас? — она растерялась. — Но Игорь еще спит...

— И пусть спит. Тихо одевайтесь и выходите. Через час мы пьем кофе на Патриарших, а затем едем сдавать вашу кровь. Без опозданий.

Я сбросила вызов до того, как она успела придумать отговорку.

Кофейня гудела. Утро било по глазам резким светом, от-

ражаясь от хромированных боков эспрессо-машины. За барной стойкой с веселым звоном билась посуда, воздух был плотным — пахло свежей сдобой, корицей и пережаренной арабикой. Жизнь здесь кипела сытая и громкая.

И на этом фоне Ольга казалась выцветшим, бракованным пятном.

Кожа клиентки истончилась до состояния пергамента, на висках пугающе проступала голубая паутина вен. От нее несло тяжелым, удушливым жасмином — за этим парфюмерным щитом она отчаянно пыталась спрятать кисловатый, отдающий металлом запах собственного угасания.

Она нервно комкала в пальцах край кашемирового шарфа.

— Понимаешь, Марго... Игорь сказал, что я просто сама себя накручиваю, — она опустила воспаленные глаза. — Сказал, хватит искать проблемы на пустом месте. Предложил на выходные поехать в спа-отель в лесу. Бассейн, прогулки... Может, действительно отложим лабораторию? Я так устала.

Я сцепила зубы. Спа-отель в лесу для полутрупа. Идеальный план — увезти слабеющую жену подальше от города, где любую остановку дыхания легко списать на слабое сердце, а скорая будет плутать по проселочным дорогам лишний час.

Надо было бить наотмашь.

Я достала из сумки колоду, вытянула одну карту и положила на холодную каменную столешницу прямо перед ней.

Дама Кубков.

— Никакого спа, Оля, — я подалась вперед. — Карты вчера показали мне корень вашей болезни. И это не порча. Это реальная, физическая отрава. И в ваш дом ее приносит женщина.

Ольга моргнула. Ее брови сошлись на переносице.

— Какая женщина? У нас только домработница, но она...

— Не прислуга, — жестко перебила я. — Близкая. Та, что сидит на вашей кухне, пьет с вами чай, выслушивает жалобы и участливо гладит по руке. Кто приносит вам домашние настойки, Оля? Кто советует травяные сборы для успокоения?

За столом повисла тишина, сквозь которую пробивался только утробный гул кофемолки. Вся кровь разом отлила от лица Ольги.

— Лена? — она выдохнула это имя так, словно выплюнула стекло. И тут же замотала головой, агрессивно, нервно. — Нет. Бред. Вы несете чушь! Мы дружим со студенчества. Она крестила бы моего ребенка! Она со мной жила неделю, когда я отца хоронила!

— Именно поэтому она идеальный кандидат, — мой голос оставался ледяным и ровным. — Вы ей доверяете. Вспомните, Оля. Не мыслите эмоциями, мыслите телом. После чьих визитов вас начинает рвать? Кто посоветовал вашему мужу те самые швейцарские витамины?

Ольга застыла. Ее зрачки резко расширились, почти затопив радужку. Она открыла рот, чтобы возразить, но слова

застряли в горле. Я видела, как в ее глазах крутятся шестеренки памяти: чашки чая, заботливо придвинутые поближе, упаковки таблеток, переданные из рук в руки, долгие сочувствующие взгляды подруги.

Ее губы задрожали. Пальцы вцепились в край стола так, что побелели костяшки.

— Она сама их заказывает... — прошептала Ольга. — Через какого-то своего поставщика. И передает Игорю.

Она смотрела сквозь меня пустым, остекленевшим взглядом. Апатия испарилась, уступив место животному, парализующему ужасу. Она рывком схватила свою сумку.

— Едем, — ее голос сорвался на хрип. — Куда нужно? Кровь, волосы? Я сдам все.

Стеклянные двери клиники бесшумно сомкнулись за нашими спинами. На сгибе локтя Ольги белел квадратный пластырь. От рукава ее куртки тянуло резким, отрезвляющим запахом спирта.

Мы шагнули на тротуар, и декабрьская Москва ударила ледяным ветром. Я шумно выдохнула облачко пара. Я дала ей понятного врага в лице подруги, чтобы заставить действовать. Но теперь предстояло вскрыть главный гнойник.

Ольга судорожно рылась в сумке, выуживая смартфон трясущимися руками.

— Я сейчас же звоню Игорю, — бормотала она, лихорадочно тыкая в экран. — Он должен знать про Лену. Боже, она же бывает у нас дома! Он убьет ее. Он таких адвокатов

наймет... Марго, Игорь посадит эту дрянь, он меня защитит!

— Я бы не советовал.

Густой, веский баритон перекрыл гул проспекта.

У обочины тихо урчал двигателем тяжелый черный внедорожник. Возле открытой пассажирской двери стоял Усольцев. В морозном воздухе смешался едкий запах выхлопных газов и жесткий кедровый парфюм.

Ольга осеклась. Генерал сделал два длинных шага к ней и мягким, но абсолютно непререкаемым жестом вытянул телефон из ее ослабевших пальцев. Экран погас.

— Эй! Вы кто такой?! Отдайте телефон! — она испуганно отшатнулась, наткнувшись спиной на мое плечо.

— Это Виктор Олегович. Мой человек. Он здесь, чтобы вы дожили до конца этой недели, — ответила я, крепко придерживая ее за локоть.

Генерал чуть склонил голову, разглядывая клиентку тяжелым, немигающим взглядом оперативника.

— Если в вашей крови есть отравы, химики ее найдут, — ровно произнес он, опуская чужой телефон в глубокий карман своего пальто. — Но до тех пор ваш муж не должен знать, где вы находитесь.

Ольга замотала головой, отгоняя от себя его слова.

— При чем тут Игорь?! Я же сказала Марго, это всё Лена! Игорь любит меня! Он хочет от меня ребенка!

— Вы уверены? — голос Усольцева резал пространство, как лязг затвора. — Посмотрите на факты, Ольга. Ваша по-

друга вхожа в дом, да. Но кто спит с вами в одной постели? Кто каждый день видит, как вы теряете вес, как синееете, и вместо того, чтобы бить тревогу, заботливо вливает в вас таблетки от подружки?

— Нет... — Ольга попятилась. — Он плакал! Он плакал вчера, когда я упала в обморок!

— Слезы ничего не стоят, — безжалостно припечатал Генерал. — Стоят действия. Любящие мужья везут жену к лучшим врачам. А ваш — пакует чемоданы, чтобы вывезти вас в глухой лес на выходные. Вы думаете, можно убивать женщину в ее собственной спальне так, чтобы муж этого не замечал?

Ольга застыла. Ее приоткрытые губы ловили ледяной воздух, словно выброшенная на берег рыба. Она повернулась ко мне, ища защиты от этой страшной, уродливой логики.

— Марго... скажите ему. Карты же показали женщину! Вы сами сказали!

— Карты показали пару, Оля, — тихо ответила я. — Они работают вместе.

Ее колени подогнулись. Если бы я не держала ее под руку, она бы рухнула прямо на грязный асфальт. Ольга издала странный, сдавленный звук — не то всхлип, не то хрип, и вцепилась побелевшими пальцами в ручку открытой двери внедорожника. Вся ее жизнь, весь ее безопасный мир только что разлетелся в пыль.

— Мы проверим его счета и передвижения, — тон Усоль-

цева неувовимо смягчился, утратив металлическую резкость. — Но для этого нужно время. Возвращаться домой сейчас — самоубийство. Побудьте пару дней в безопасном месте, пока мы не соберем доказательства.

Лишенная воли, сломанная Ольга молча кивнула и грузно опустилась на заднее сиденье. Дверь захлопнулась с тяжелым, глухим звуком, отсекая ее от предавшего ее мира.

Мы с Генералом остались на тротуаре одни. Я подняла на него усталый взгляд и сунула озябшие руки глубже в карманы пальто. Иллюзии были разбиты. Теперь ход за законом.

Глава 6

Интерлюдия

Ольга

В конспиративной квартире Генерала пахло остывшим растворимым кофе, пылью и моим собственным кислым потом. Я находилась здесь со вчерашнего дня — с того самого момента, как за мной захлопнулась дверь внедорожника. Тягучий, полный паники день перетек в бесконечную ночь, а теперь за окном сквозь жалюзи неохотно просачивалось серое, чужое утро.

Справа, за обеденным столом, заваленным папками и распечатками, сидел Александр Владимирович — седой, прямой как жердь друг моего покойного отца и по совместительству наш семейный юрист. Я вызвонила его еще вчера днем. Он не задавал лишних вопросов, просто приехал, развернул штаб и всю ночь методично готовил бумаги на случай худшего сценария.

Напротив, прислонившись к стене, стоял следователь Карпов. Хмурый, жилистый. Его допрос, начавшийся еще вчера вечером, к утру превратился в ритмичное вдальблывание в меня одной и той же уродливой реальности:

— Кто обычно делает вам чай по утрам, Ольга? Муж? Или ваша подруга Лена? Она ведь часто у вас остается?

Я отвечала на автопилоте. Слова взяли на пересохшем языке. За эти сутки без сна мое тело начало сбоить еще сильнее: на кончиках пальцев плясали ледяные иголки. Я то и дело неосознанно, до красноты растирала кисти рук, пытаюсь вернуть им чувствительность, размять нарастающую глухую ватность. Карпов, задавая вопросы, не сводил с моих ладоней цепкого, оценивающего взгляда.

Мышцы шеи дрожали, отказываясь держать голову, и я проваливалась в лихорадочную дремоту, вздрагивая от подкатывающей тошноты.

Мозг отчаянно цеплялся за остатки моего идеального мира. «Это ошибка», — пульсировало в висках. Плохая вода. Сбой иммунитета. Неужели Игорь... мой Игорь, который так нежно целовал мне руки? И Лена, с которой мы сидели за одной партой? Нет. Бред.

Когда утреннюю тишину квартиры разорвал звонок мобильного, я вздрогнула.

Генерал тяжело шагнул к столу.

— Слушаю.

Он молчал, только массивная челюсть напряглась.

— Понял, — бросил он и нажал отбой. Повернулся ко мне. В его выцветших глазах не было ни капли жалости. Только холодная констатация факта. — Соли таллия. Лаборатория дала однозначный ответ.

— Таллий? — прошептала я.

Карпов отлип от стены.

— Яд, Ольга. Без вкуса и запаха. Отлично растворяется в любом травяном сборе. Сначала симптомы похожи на обычную усталость, а потом он просто методично убивает нервную систему. Отсюда и ваше онемение, — следовательно кивнул на мои руки. — Я со вчерашнего дня смотрю, как вы их трете. Это не защемленный нерв. Это таллий выжигает вам периферию.

Слова долетали сквозь вату.

— Зачем? — сорвалось с губ. — У Игоря и так есть всё... Я отдала ему управление моим холдингом.

Александр Владимирович резко отодвинул стул. Его лицо мгновенно превратилось в каменную маску. Сентиментальность закончилась, началась работа.

— Управление — да, но не собственность, — жестко отрезал юрист, выхватывая из кармана пиджака телефон. — У вас брачный контракт, Оля. При разводе из-за измены он вылетит на улицу с одним чемоданом. А вот как безутешный вдовец — заберет всё. Лена станет законной женой миллионера.

Юрист нажал кнопку вызова и, не дожидаясь ответа, начал стремительно сгребать бумаги со стола.

— Алло? Виталик? — его голос хлестал, как кнут. — С этой секунды аннулируйте все электронные пропуска Игоря Николаевича. Доступ к корпоративным серверам закрыть. Да, полностью! Соедини с финансовым... Алло, Галина? Бросай всё. Готовь приказ об отзыве генеральной доверенно-

сти. Замораживайте все счета, к которым у него есть доступ. Плевать, что он гендиректор! Вызывай независимых аудиторов. Я сказал — выполнять немедленно!

Он сбросил вызов и с грохотом захлопнул ноутбук. Вокруг меня внезапно закипела суета. Я смотрела на свои синюшные ногти, а над моей головой уже вершились дела, безжалостно перемалывая мою прошлую жизнь.

Страх исчез. На его место пришла звенящая, тошнотворная ясность. Я вспомнила. Как Лена суетилась на кухне с заварочным чайником. Как Игорь приносил мне чашку в спальню: «Пей, малыш, Леночка специальный сбор привезла». Они в четыре руки размешивали отраву, а потом видимо шли в гостевую спальню трахаться, пока я захлебывалась рвотой в ванной.

— Задержите их, — мой голос прозвучал как чужой. Плоский и ржавый. — Прямо сейчас.

Усольцев смял в кулаке пустую пачку сигарет.

— И что мы им предъявим? Бумажку из клиники? Наличие яда в крови не доказывает, кто именно его подсыпал. Их адвокаты спишут всё на домработницу. Без признания Игорь выйдет сухим из воды, а вы отправитесь на кладбище. Нам нужно его слово. На микрофон. И добыть его можете только вы. Карпов!

Следователь шагнул ко мне. В руках — стакан с мутной жидкостью.

— Пейте. Это антидот и жесткий стимулятор. Сердце бу-

дет биться так, что заложит уши, но пару часов на ногах вы продержитесь уверенно.

— Вы хотите... чтобы я поехала к ним?

— Вы поедете туда с Александром Владимировичем,
— юрист с щелчком застегнул портфель. — Официальный предлог: детективы вскрыли его измену. Вы отзываете доверенность и выкидываете его из компании.

— Он запаникует... — дошло до меня.

— В этом и смысл, — кивнул Карпов. — Он думает, что вы прикованы к кровати, а вы врываетесь бодрым шагом и забираете всё, ради чего он вас убивал. Эго не выдержит. Он сорвется и скажет то, чего говорить нельзя.

Я посмотрела на стакан. За эти сутки во мне не осталось ни обиды, ни слез. Я больше не была любящей женой. Я была мертвецом, которому дали короткую отсрочку. А мертвым нечего терять.

Я забрала стакан и выпила залпом. Мутная горечь обожгла горло.

— Цепляйте микрофон.

Жесткий пластик передатчика охлаждал кожу под воротником блузки. Химический коктейль Карпова сотворил чудо: суточная усталость отступила, уступив место злой, синтетической энергии, которая ровно гудела в венах.

Машина мягко затормозила у кованых ворот моего загородного дома.

Я провернула ключ в дубовой двери. До конца закрывать не стала, оставив створку чуть приоткрытой — для следователей, ждущих на улице.

Первым по нервам ударил запах. Мои любимые итальянские диффузоры с сандалом. Раньше так пах дом. Сейчас этот аромат показался удушливым — словно дорогой парфюм, которым щедро залили еще не остывший труп.

Из гостиной доносился злой, срывающийся голос Игоря.
— Какого черта значит «доступ закрыт»?! — орал он в трубку, нервно меряя шагами паркет. — Кто инициировал аудит?! Какие распоряжения собственника?! Я гендиректор! Вы там с ума сошли?!

Я шагнула в комнату. Александр Владимирович бесшумной тенью скользнул следом.

Игорь метался возле камина. Лицо помятое, ворот рубашки расстегнут. На диване, поджав под себя ноги, сидела Лена. На ней был мой изумрудный шелковый халат. Живет в моем доме, спит с моим мужем, а теперь уже носит мои вещи. Хорошо устроилась.

Мой каблук сухо щелкнул по плитке.

Лена вздрогнула и инстинктивно запахла халат плотнее, словно пытаясь спрятаться внутри него.

Игорь замер на полуслове. На долю секунды его лицо превратилось в чистый лист первобытной паники. Но инстинкт выживания сработал мгновенно, маска встала на место.

— Оля... — выдохнул он и бросился ко мне. — Олечка!

Господи, родная! Где ты была всю ночь?! Я обзвонил больницы, мы с Леной не спали всю ночь, искали тебя! А в компании ад, служба безопасности...

Он потянулся к моим плечам. К тем самым плечам, под которыми бился холодный пульс полицейской прослушки.

— Не смей меня трогать.

Мой возглас прозвучал истерично. Игорь осекся. Руки повисли в воздухе.

Из холла вышел Александр Владимирович. Он прошел мимо моего мужа и с тяжелым стуком бросил на стеклянный столик толстую кожаную папку.

— Александр Владимирович? — Игорь нахмурился, быстро переводя взгляд с меня на юриста. Его голос окреп, в нем зазвучали привычные хозяйские нотки. — А вы что здесь делаете? Оля, что происходит?

— Присаживайтесь, Игорь Николаевич, — сухо произнес юрист, даже не взглянув на него. — Разговор будет сугубо предметным. Последние две недели по нашему поручению работала группа частных детективов. В этой папке — полный отчет. Фотофиксация, биллинги, а также выписки с ваших счетов, подтверждающие регулярную оплату отелей и совместных перелетов с гражданкой Еленой.

Лена на диване издала странный, сдавленный писк и закрыла лицо руками. Игорь дернул щекой.

— Каких детективов? — он нервно, лающим звуком рассмеялся, отступая на шаг. — Вы в своем уме? Оля, не слу-

шай этого старого маразматика! Это рейдерский захват! Он кормит тебя фальшивками, чтобы выкинуть меня из совета директоров, пока ты болеешь!

Александр Владимирович невозмутимо поправил очки и продолжил, чеканя каждое слово:

— Согласно пункту 4.2 вашего брачного договора, доказанный факт супружеской неверности является безоговорочным основанием для расторжения брака по инициативе пострадавшей стороны. При этом автоматически вступает в силу пункт 4.5 — полный отказ виновной стороны от претензий на любые финансовые активы, недвижимость и доли в бизнесе.

— Да какая неверность?! — рявкнул Игорь, багровея. Он метнулся ко мне, но остановился, наткнувшись на мой мертвый взгляд. — Оля, мы летали в Сочи на конференцию! Лена помогала мне с документами, потому что ты физически не могла встать с кровати! Мы просто работали!

— И это еще не всё, — юрист безжалостно переехал его оправдания монотонной канцелярщиной. — В связи с выявленными фактами нецелевого расходования средств холдинга, с сегодняшнего утра начат финансовый аудит. Приказ об отзыве вашей генеральной доверенности подписан час назад. Электронные пропуска аннулированы, доступ к корпоративным серверам заблокирован. Вы отстранены от должности гендиректора.

Игорь застыл. Его рот приоткрылся. Он понял, что это не

угроза — машина уже запущена, и шестеренки отрезали ему путь назад.

— Вы не имеете права... — прохрипел он. — Я подам в суд. Вы ничего не докажете! Лена, скажи им!

Лена отняла руки от лица. Она смотрела на толстую папку на столе как на бомбу. В ее глазах плескался чистый, животный ужас, ее мысли метались, ища выход. Она поняла, что Игорь потерял всё, и теперь тонет, утягивая ее за собой.

Полы моего халата распахнулись, когда она рухнула на колени прямо на ковер.

— Оленька! — завизжала она, заливаясь слезами. — Оля, прости меня! Я не хотела! Он сам ко мне лез, он прохода мне не давал! Я пыталась прекратить, но он... Оля, клянусь, это просто секс, я ничего к нему не чувствую! Ты же мне ближе сестры!

— Закрой пасть, тупая корова! — с диким срывом заорал Игорь, бросившись к ней. Он готов был ее ударить, но Александр Владимирович сделал неувловимое, жесткое движение, преграждая ему путь.

Синтетический адреналин в моей крови не смог заглушить тошнотворного, черного отчаяния, которое разворачивалось в груди. Мой муж только что пытался убедить меня в своей святости, а его любовница за долю секунды продала его с потрохами.

— Ближе сестры, говоришь? — я посмотрела на перекошенное от страха лицо Лены. — Поэтому ты трахалась с мо-

им мужем, пока я бегала по врачам? Поэтому ты мило улыбалась мне и говорила, как мне повезло, знала, как я хочу ребенка от мужа, как я его любила и все ровно ложилась с ним в постель? Боже, что же ты за лицемерная тварь?!

Лена отшатнулась, словно я ударила ее наотмашь. Краска разом сошла с ее щек.

— Я... я просто хотела помочь...

— Вон отсюда, — ровно произнесла я, переводя ледяной взгляд на мужа. — Вы оба. Прямо сейчас. В чем стоите.

Эго Игоря не выдержало. Манипуляции провалились. Оправдания разбились о жалкую истерику Лены. Осознание того, что его поймали, выпотрошили и лишили империи, ради которой он всё это затеял, взорвало его изнутри. Маска заботливого мужа слетела, обнажив оскал.

— Пошла ты! — взревел он, со всей силы пнув стеклянный столик. Толстая папка с грохотом отлетела в стену. — Да я эту компанию на своем горбу тащил!

Он наступал на меня, брызгая слюной. Юрист напрягся, готовый вмешаться.

— Если бы не бабки твоего отца, я бы к тебе не притронулся! — орал Игорь, теряя последние остатки человеческого облика. — Бледная, вечно больная моль! Я пять лет терпел твое нытье! Пять лет слушал, как ты хочешь ребенка, пока меня от тебя воротило!

— Игорь, заткнись! Замолчи! — истерично закричала Лена с пола, зажимая уши.

— Сама заткнись, мразь! — он резко развернулся к ней. Ярость окончательно выжгла в нем инстинкт самосохранения. — Это из-за тебя мы на улице! «Давай медленно, Игорь, таллий никто не найдет, всё спишут на слабое сердце», — зло, кривляясь, передразнил он ее. — Твоя была идея! Надо было просто столкнуть ее с лестницы месяц назад, пока она доверенность не отозвала!

Я стояла и смотрела на них. Они даже не раскаивались. Они орали друг на друга, споря о том, кто виноват, что меня не добились.

Я медленно опустила подбородок к воротнику блузки.

— Вы всё записали, Карпов? — четко, произнесла я.

Игорь осекся. Воздух со свистом вырвался из его легких. Он затравленно попятился.

— Кому... кому ты...

Никакого киношного грохота выбитых дверей не последовало. В прихожей просто раздались тяжелые, быстрые шаги. Следователь Карпов и двое крепких оперативников в штатском буднично и быстро вошли в гостиную через оставленную мной открытую дверь.

— Разговор окончен, — сухо произнес следователь, переступая через валяющуюся на полу папку. — Руки наверх. Оба.

Игорь дернулся, в его глазах мелькнула животная паника, но один из оперативников тут же шагнул к нему, жестко заломил руку за спину и впечатал его лицом прямо в мрамор-

ную полку камина. Клацнул металл наручников. Лена истошно завизжала и сжалась в комок, когда второй оперативник рывком поднял ее с пола.

Я не стала оборачиваться. Ни злорадства, ни мстительного торжества — только глухая, выстуженная пустота где-то на уровне ребер. Носком туфли я аккуратно отодвинула белый черепок — всё, что осталось от любимой чашки Игоря. Фарфор сухо скрежетнул по полу. Я перешагнула через осколки и направилась к выходу, ни на кого не глядя.

Тяжелая, тягучая тошнота никуда не ушла: кровь всё еще была пропитана токсинами. Впереди ждал въедливый запах больничной хлорки, холодные иглы в исколотых сгибах локтей и долгие, монотонные часы под капельницами. Физически я выкарабкаюсь. Но та восторженная идиотка, которая присматривала обои для детской и свято верила в надежность мужа и преданность лучшей подруги, сдохла прямо здесь, в нашей гостинной.

Моя ладонь легла на металл дверной ручки. Металл холодил кожу. Какая абсурдная ирония. Я ведь просто хотела стать матерью. Пришла к гадалке с картами, чтобы купить немного надежды и услышать сладкую сказку про две полоски на тесте.

А вместо сказки получила гнусное предательство.

Что ж. Я толкнула дверь. Как жить дальше — я пока не знала, но по крайней мере, теперь я смотрела на мир откры-

ТЫМИ ГЛАЗАМИ.

Марго

За окнами моей тринадцатой квартиры лениво кружил снег, создавая отличный контраст с теплом кабинета. Здесь пахло свежим кофе и сухим картоном.

В кресле рядом уютно свернулась Кара, излучая жар, как замшевая батарея. Я тасовала колоду. Гладкий картон привычно шелестел под подушечками пальцев: вжик-вжик.

Экран смартфона на столе мигнул и завибрировал. Сообщение от Генерала.

«Яд подтвержден. Взяли обоих.»

Я тяжело выдохнула и перевернула телефон экраном вниз. Никакого сказочного тепла в груди — только холодное, мрачное удовлетворение. Мой дар помог спасти жизнь.

Напротив меня сидела очередная посетительница — студентка в пушистом розовом свитере. Она смотрела на разложенные карты так, словно они прятали ключи от рая.

Я ловко собрала Арканы в ровную стопку и сдвинула к ней по дубовой столешнице.

— Резюмируем, солнце мое, — я мягко постучала длинным ногтем по верхней карте. — Башня и Паж Мечей говорят прямым текстом: тебе нужно срочно браться за учебники, а не пытаться приворожить старосту потока. Приворот в твоём исполнении ляжет криво, а вот заваленный матанализ обеспечит тебе отчисление стопроцентно. Иди учи билеты.

Проводив смущенно хихикающую девчонку в коридор, я вернулась за стол. Откинулась на спинку кресла и сделала большой глоток остывающего кофе, наслаждаясь терпкой горечью.

Тишину квартиры разорвала резкая трель дверного звонка. Кара недовольно приоткрыла желтый глаз и дернула лысым ухом.

— Знаю, чудовище. Мой перекур окончен, — усмехнулась я.

Я поправила белую прядь у лица и потянулась к колоде. Пора было работать дальше.

Глава 7

Тяжелые, шлейфовые ноты моего вечернего парфюма — черный перец, нероли и горькая кожа — постепенно вытеснили из спальни въедливый запах жженого шалфея. За день я так надышалась благовониями и чужой тревогой, что сейчас хотелось пахнуть исключительно дорогой химией и равнодушным городом.

Я сбросила домашнее худи, физически стряхивая с себя рабочую рутину. Выбор пал на черное платье-комбинацию из плотного шелка. Ничего вычурного, просто хорошая тяжелая ткань, скользящая по бедрам, и открытая спина.

Сев перед зеркалом, я взялась за кисти. Угольно-черная подводка, пара взмахов тушью. Щелчок застежки — и теплую кожу ключиц привычно остудил литой серебряный чокер. Я вскользнула в туфли на устойчивом каблуке. Пойдет. Чтобы затеряться в толпе и обнулиться, большего не требовалось.

В такси я приоткрыла окно, позволяя колючему январскому ветру забираться под пальто. Москва за окном все еще цеплялась за ушедшие праздники, переливаясь остатками гирлянд, но в воздухе уже висела тяжелая зимняя усталость. Мне нужна была встряска. Эмпатию ведьмы нельзя выключить тумблером — это миф из дешевого фэнтези. Фоновый шум чужих страхов, скрытых желаний и вероятностей

зудит всегда, как гул старого трансформатора. По этой причине ведьм живущих в больших городах не много, многие выбирают для жизни тихие и спокойные города или деревни. А раньше вообще предпочитали глухие леса. Единственный способ перестать его слышать — заглушить чем-то более мощным.

Именно поэтому я любила клубы.

Тяжелые двери поддались с мягким сопротивлением, и на меня тут же обрушилась плотная, вибрирующая стена звука. Рев басов ударил прямо в диафрагму, вышибая из головы остатки чужих судеб. Воздух здесь был густым — горячая смесь из запахов терпкого алкоголя, сладковатого пара вейпов и разогретой кожи. Идеальный акустический щит.

Я направилась к вип-зоне, лавируя в толпе. У нужного столика мой дежурный прищур сменился искренней улыбкой.

— Алинка!

Она вскочила с кожаного дивана — пушистое облако персикового шелка, искрящихся пайеток и суетливой энергии. Алина всегда была полной моей противоположностью: мягкая, по-домашнему уютная, понятная.

— Маргоша! — она повисла на мне, обдав ароматом ванили и просекко. Объятие было крепким, почти удушающим. — Как я рада! Костя просил передать огромный привет. Сказал, что до сих пор свечку за твоё здоровье ставит!

— Передай Косте, что он драматизирует, — я рассмеялась, вкладывая в её руки тяжелый подарочный пакет. — Я

всего лишь разложила карты и посоветовала тебе не тратить время на того зануду с кафедры. А на выставку, где вы с Костей столкнулись, ты пошла сама.

— Все равно! Если бы не ты... — Алина счастливо блеснула глазами, принимая подарок, и потянула меня за локоть. — Давай к нам, девочки уже заждались.

Холодный шелк моего платья скользнул по обивке дивана. Официантка, возникшая словно из ниоткуда, тут же поставила передо мной запотевший бокал с джин-тоником. Я обвела наш столик расслабленным взглядом. Девочки с потока. Мы не виделись года два. Они сидели плотной стайкой, красивые, ухоженные, пахнущие нишевой парфюмерией и... бетонной стабильностью.

— Слушай, ну полмиллиона за роды в Лапино — это сейчас база, — вещала Даша, покачивая бокалом с аперолом. — Зато палата как в отеле. Мой сразу сказал: экономить на комфорте не будем.

— Ой, роды — это ерунда, — отмахнулась Света, поправляя безупречную укладку. — Вы попробуйте в нормальный билингвальный сад на Новой Риге пробиться. Там очередь с момента зачатия. Мы год ждали, пока место освободится.

Первые двадцать минут я честно пыталась влиться в беседу. Кивала, улыбалась там, где требовалось, делала глотки ледяного джина с явным привкусом хвои. Но разговор неизбежно катился по проложенным рельсам: обсуждение ипотечных ставок, новые мастера по филлерам, чьи-то мужья,

которые опять вложились не в ту крипту, и выбор керамогранита для ванной.

Я чувствовала, как внутри расплзается тягучая, почти физическая зевота.

— А ты как, Марго? — Лена, сидевшая напротив, наконец отвлеклась от экрана телефона, где только что проверяла графики котировок. В ее взгляде не было откровенной злобы, скорее — снисходительное любопытство человека, разглядывающего экзотическое насекомое. — Все так же... — она покрутила в воздухе пальцами с идеальным френчем, подбирая слово, — с картишками сидишь?

Вокруг столика повисла секундная пауза. Света перестала мешать трубочкой лед, Даша чуть подалась вперед.

— Раскладываю, Лен. Да, работаю, — ровно ответила я, обводя пальцем кромку холодного бокала.

— Не устала от такой... нестабильности? — Лена чуть пожала плечами, демонстрируя ключицы. — Ну, знаешь. Ни официального стажа, ни ДМС. Какая-то вечная эзотерика. Независимость — это, конечно, стильно, но тебе скоро тридцать. Не боишься так и остаться одна, с этими своими свечами?

Они не были змеями. Просто мы обитали в разных системах координат. Для них моя жизнь казалась затянувшейся студенческой блажью, а отсутствие кольца на пальце — диагнозом.

Еще пару лет назад я бы завелась. Выдала бы колкую ти-

раду, прошла бы по ее «выгодному» браку, от которого за версту фонило скукой и изменами. Но сейчас я не чувствовала ничего, кроме духоты в этом аквариуме правильных людей.

— Иногда боюсь, Лен, — я улыбнулась. Губами, не глазами. — Особенно когда нужно самой перевесить зеркало или собрать стеллаж из ИКЕИ. Но потом я вспоминаю, что мне не нужно по утрам слушать подкасты про биткоин за завтраком и проверять чужой телефон, пока он в душе. И меня сразу попускает.

Лена моргнула, улыбка на ее лице стала натянутой, пластиковой. Кто-то из девочек нервно хмыкнул. Конфликта не вышло, но дистанция между нами мгновенно затвердела, превратившись в пуленепробиваемое стекло.

Я плавно повернулась к имениннице, спасая ее от неловкости, и подняла свой бокал.

— За тебя, Алинка. Пусть твоя жизнь всегда будет именно такой, как ты сама того хочешь. Без оглядки на чужие стандарты.

Мы чокнулись. Я допила джин почти залпом, со стуком поставила хрустальный стакан на столешницу и поднялась.

— Пойду разомнусь, — бросила я, скользнув взглядом по лицам.

Не оглядываясь, я шагнула прочь от вип-зоны, прямо в море разгоряченных тел. Басы ударили по ушам, вымывая из головы чужие шаблоны, керамогранит и крипту. Я прикрыла

глаза, позволяя темноте и ритму проглотить меня. Мне просто хотелось двигаться, пока не загудят икры.

Я вырвалась из душного плена танцпола, когда легкие начало жечь от нехватки кислорода. Кожа под шелком горела, пульс отбивал рваный ритм в висках. Добравшись до бара, я взобралась на высокий стул, отгородившись спиной от ревущей толпы.

Здесь клубная долбежка становилась чуть тише. Бармен, поймав мой взгляд, молча поставил передо мной хайбол с ледяной водой. Я обхватила его пальцами и с наслаждением прижала мокрое от конденсата стекло к горячей шее.

Подняв глаза, я сквозь частокол бутылок поймала отражение в зеркале.

Он стоял у барной стойки в паре метров от меня. В нем не было суетливой, голодной энергии местных завсегдатаев, сканирующих зал в поисках добычи. Просто тяжелая, спокойная уверенность. Я чуть прикрыла глаза, прислушиваясь к ощущениям. После обжигающей, выворачивающей наизнанку энергетики моего непостоянного любовника — который, на минуточку, был настоящим Змеем и выматывал меня до дна — фон этого мужчины казался потрясающе... плотным. От него не несло ни серой, ни магией, ни хтоническими безднами. Только чистая, заземляющая человеческая физиология.

Он перехватил мой взгляд в зеркале, взял свой рокс со льдом и неспешно подошел, заняв соседний стул.

— Выглядишь так, будто сбежала с исключительно скучного совещания совета директоров, — произнес он.

Голос оказался низким, с легкой хрипотцой, перекрывающей музыку. Никаких сальных улыбок или дешевых подкатов.

Я медленно повернула к нему голову, оценивая фактуру. Жесткая линия челюсти, темная рубашка, спокойный взгляд.

— Хуже. Там обсуждали элитные детские сады, ипотечные ставки и ранние морщины.

— Мои соболезнования, — он понимающе усмехнулся. Воздух между нами вдруг стал тяжелее. Никакого морока, просто резкая, бьющая по рецепторам химия. Я уловила его запах — горький сандал, черный чай и что-то неуловимо древесное. — Я Виктор.

— Марго, — я крутанула стакан по столешнице. Вода плеснула на края.

Он смотрел на меня в упор. Прямо, с откровенным, читаемым мужским интересом, не пытаясь казаться загадочным.

— Знаешь, Марго, здесь слишком громко, — он чуть наклонился ко мне, вторгаясь в личное пространство ровно настолько, чтобы это не казалось угрозой. — Если ты уже отбыла повинность на празднике, мы можем поехать туда, где делают отличный кофе. Или налить чего-то покрепче. У меня дома.

Обычное, взрослое предложение без двойного дна. Я по-

смотрела в его спокойные темные глаза, прислушалась к ровному биению собственного пульса, которому сейчас отчаянно требовалась простая, качественная разрядка без мистических драм.

— Поехали, — коротко кивнула я.

Мы ушли, не прощаясь с моим "аквариумом". Короткий бросок через холл, гардероб, обмен номерками — и вот мы уже шагаем в ледяную темноту московской ночи, ныряя в прогретое нутро такси.

Поездка обошлась без неловких попыток заполнить тишину. Он просто взял мою руку, переплетая пальцы. Сухая, горячая ладонь. Одно это уверенное, собственническое касание пустило по позвоночнику дрожь.

Щелчок электронного замка. Его квартира дохнула прохладой, запахом кофе и дорогого парфюма. Едва тяжелая дверь захлопнулась, отсекая лестничную клетку, спокойствие закончилось.

Никаких предложений снять пальто или посмотреть кино. Его ладони уверенно легли на мою талию, рывком притягивая вплотную. Губы накрыли мои — жадно, со вкусом виски и перечной мяты. Я ответила сразу, вцепляясь пальцами в жесткие волосы на его затылке. Мой серебряный чокер растянулся и с глухим стуком упал на паркет прихожей.

Он не стал рвать на мне платье. Он просто стянул его одним плавным, скользящим движением, обжигая остывшую кожу горячими ладонями. Я нетерпеливо расстегивала пуго-

вицы его рубашки, путаясь в петлях от спешки.

Короткий, слепой путь до спальни. Меня опустили на прохладные простыни, и сверху навалилась приятная тяжесть его крупного тела. Жесткий, задающий темп ритм. Колочащая щетина царапала ключицы, его пальцы намертво сжимали мои бедра, оставляя следы. Я задыхалась от рваных вдохов, теряясь в этом абсолютно человеческом, первобытном танце. Никаких астральных проекций, никаких искр под веками — только влажная от пота кожа, запах сандала, сбитое дыхание прямо в губы и слепящая, выгибающая позвоночник судорога оргазма.

Утро разрезало полумрак спальни пыльным зимним светом.

Я открыла глаза. Мышцы бедер приятно ныли. Я лениво потянулась, чувствуя, как хрустнули позвонки, и глубоко вдохнула смешанный запах ночи и мужской кожи. В голове билась абсолютно честная, ясная мысль: «Это было феноменально».

Бесшумно выскользнув из-под одеяла, я ступила на прохладный пол и начала собирать вещи. Платье нашлось на кресле, белье — около порога спальни. Натягивая холодный шелк, я вызвала такси в приложении.

Виктор мирно спал, зарывшись лицом в подушку. Широкая спина с россыпью мелких веснушек мерно вздымалась. Обычно после ночи со Змеем я чувствовала себя так, будто

меня пропустили через центрифугу. Сейчас же тело гудело от правильной, здоровой усталости. Голова была кристально чистой. Заземление прошло успешно.

Мой взгляд зацепился за рабочий стол из темного дерева. Блокнот, перьевая ручка. Губы сами собой растянулись в сухой ироничной улыбке. Мне пора было возвращаться к своей жизни, клиентам и колодам, и усложнять всё утренними разговорами о яичнице я не собиралась.

Я подошла к столу и вырвала плотный лист. Почерк лег быстро и ровно: «Спасибо. Было отлично».

Открыв сумочку, я нащупала кошелек и достала три хрустящие пятитысячные купюры. Это был мой личный, немного циничный жест. Я положила деньги поверх записки на прикроватную тумбочку, прямо возле его лица, и придавила конструкцию его же тяжелыми часами.

Оплата за безупречный сервис. Никаких иллюзий.

Мой уход был абсолютно беззвучным — дверь закрылась с мягким щелчком. Спускаясь в лифте, я посмотрела в зеркало: взлохмаченные волосы, чуть стертая подводка и искренняя, сытая улыбка человека, который взял от этой ночи ровно то, что хотел. И ни граммом больше.

Глава 8

Январь подходил к концу, выматывая Москву бесконечными снегопадами и низким, тяжелым небом. Сегодня было тридцать первое. Завтра утром нас с бабулей ждал рейс до Минвод — ежегодная семейная традиция с сульфидной грязью, минералкой и неспешными променадами. В нашей семье этот ритуал нельзя было отменить даже под угрозой локального апокалипсиса.

Утро выдалось тягучим. Я сидела за кухонным островом в изумрудной шелковой пижаме, допивала остывший кофе и механически тасовала старую домашнюю колоду. Шероховатый, потертый картон привычно терся о подушечки пальцев. На коленях, свернувшись горячим замшевым комком, вибрировала сфинкс Кара.

Трель домофона вспорола тишину. Кошка недовольно дернула ухом и спрыгнула на пол.

Через пару минут я расписалась в планшете курьера. В руках остался тяжелый пакет насыщенного красного цвета с узнаваемым золотым тиснением Cartier.

Бросив пакет на столешницу, я иронично хмыкнула. Я уже успела вычеркнуть случайного Виктора из списка текущих дел. Качественная ночь, красивый финал. Но уязвленное мужское эго предсказуемо, как квитанции за коммуналку. Решил купить обратный билет в мою постель с помощью

тяжелого люкса? Банально.

Я потянула за шелковую ленту. Плотный картон коробки охлаждал ладони. Щелкнула скрытая пружина, крышка откинулась.

Снисходительная улыбка медленно сползла с моего лица. Вместо бриллиантов на идеальном черном бархате лежала тусклая, затертая по краям монета. Десять рублей.

Ступор. Подцепив ногтем бархатную подложку, я обнаружила на дне сложенный вдвое лист плотной бумаги. Ровный, нажимной почерк — явно хорошая перьевая ручка:

«Маргарита. Списано по тарифу 14 990. Сдачу принято возвращать».

Я перечитала текст. Посмотрела на монету. В голове со щелчком сложилась математика: мои оставленные на тумбочке пятнадцать тысяч минус четырнадцать девятьсот девяносто.

Сначала я фыркнула. А через секунду уже смеялась в голос, опершись ладонями о прохладную столешницу.

Этот ублюдок заморочился. Вычислил меня, правдами и неправдами раздобыл адрес, достал настоящую коробку Cartier, нанял элитного курьера — и все это ради того, чтобы вернуть мне десятку сдачи! Изящно. Безупречно. И невероятно смешно.

Я перевернула записку. На обратной стороне не было ни пошлых подкатов, ни предложений поужинать. Только его фамилия: «Виктор Громов» и одиннадцать цифр номера.

Покрутив монету в пальцах, я провела подушечкой по ребристому гурту. Мое профессиональное «слепое пятно» сработало идеально: я никогда не могу читать собственные вероятности, так что сюрприз удался. И сейчас меня это совершенно не бесило. Он оказался мужчиной с бетонной самооценкой, отличным черным юмором и — что немаловажно — он отлично трахался.

Достав телефон, я вбила номер в контакты. Немного подумав, сохранила: «Виктор (Сдача)».

— Ладно, счет 1:1, — бросила я Каре, которая терлась лысой щекой о ножку стула.

Взгляд упал на колоду. Пальцы сами потянулись к картону, сдвинули верхнюю часть и перевернули одну карту. На изумрудную столешницу легла Восьмерка Жезлов. Скорость. Неожиданные вести и стремительная динамика, которую уже не остановить.

Я бросила десятирублевую монету обратно в бархатную коробку и пошла собираться. Игра определенно продолжалась.

Спустя час, сменив пижаму на строгий черный оверсайз-пиджак, я сидела в своем кабинете на Покровке. Десятирублевая монета с тихим звоном перекочевала в карман. А роскошная коробка от Cartier превратилась в элитную лежанку: Кара забралась внутрь и свернулась на бархате, наглядно демонстрируя, что бренды — это пыль, а плотный картон — истинная ценность.

Воздух в кабинете был густым, пропитанным горечью эспresso и дымным шлейфом шалфея.

Я всегда физически ощущаю этот момент погружения в работу. Когда клиент садится в кресло напротив, пространство уплотняется. У основания шеи разливается горячая тяжесть, а в ушах на долю секунды меняется давление — словно я ныряю на глубину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.